Ростовская старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 145

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

История ростовских домов

Забытый дом на набережной

В настоящее время на берегу озера Неро на правой стороне 3-го проезда Толстовской набережной строится новый дом. Когда-то на его месте существовали другие здания. Их истории посвящена эта статья.

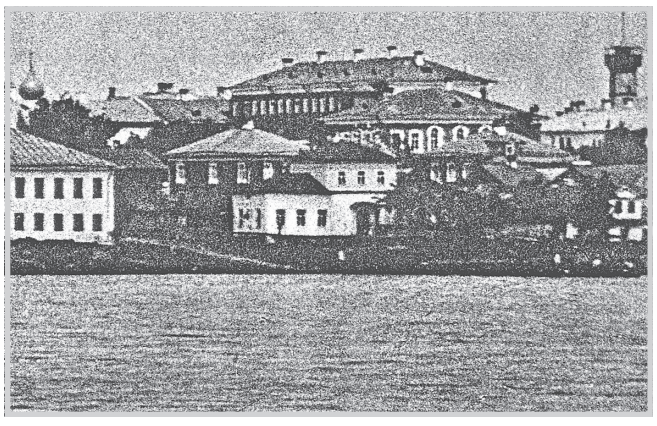
Первые сведения о деревянном здании, стоявшем на указанном месте, относятся к началу XIX в. В то время им владела «посадская» Марфа Константинова. В 1830-1840-е годы в деревянном доме, стоявшем на том же месте, располагалось казенное питейное заведение.

Сменившее этот дом каменное здание было построено в середине XIX в. Фотографии начала XX в. позволяют представить в общих чертах облик данного сооружения спустя примерно пятьдесят лет после его строительства (фото 1). Дом тогда был одноэтажным, с мезонином в три окна по южному фасаду. В центре первого этажа того же фасада располагался дверной проем, а по бокам от него – оконные проемы. Над окнами имелись карнизы в виде двух полочек. Как общая композиция, так и декор свидетельствуют, что интересующий нас дом представлял собой образец позднего провинциального классицизма середины XIX в.

Значительные перемены в облике здания произошли в 1953 г. Именно в этом году, как свидетельствует фотография того времени, старый мезонин был разобран и над всем первым этажом появился второй кирпичный оштукатуренный этаж (фото 2). В то время дом имел адрес: 3-й проезд Толстовской набережной, № 2.

По воспоминаниям старожилов, дом был снесен в середине 1970-х годов. В архиве С.Д. Овечкина сохранилась фотография, сделанная им в конце 1960-х годов, которая зафиксировала облик здания незадолго до этого сноса (фото 3).

А. МЕЛЬНИК.



Из истории ростовских купеческих фамилий

Известно, что семьи И.И. Хранилова и его старшего брата Александра Ивановича (1834-1869) владели каменным 2-этажным домом в кремле Ростова. Это современный д. № 17 по ул. 50 лет Октября. Дом был куплен еще в 1836 г. их дедом у М.Г. Кайдаловой. А с 1872 г. им уже владела вдова А.И. Хранилова - Любовь Акиндиновна, по второму мужу Работнова.

В 1873 г. со своим племянником по линии первого мужа, Н.В. Храниловым, она создала «полное товарищество», одно из первых в Ростове - «Торговый Дом Николая Хранилова, Петра и Любови Работновых», который занимался не только производством и реализацией восковых свеч, но и торговлей колониальными товарами. Заметим, что на 1885 г. их свечно-восковой завод был в Ростове единственным. Храниловы избежали банкротства и каким-то образом удержались «на плаву». Их торговля производилась в каменных лавках, располагавшихся в Гостином дворе, Емельяновском ряду (Ростов) и в селах Ильинско-Хованском, Вощажникове, Поречье, Борисоглебских слободах (Ростовский уезд).

Для увеличения доходов нижний этаж своего дома Л.А. сдавала в аренду под казенную винную лавку, а верхний – под наемные квартиры.

4 декабря 1901 г. в возрасте 63 лет она скончалась, и опекуном над ее немалым имуществом был назначен П.Н. Работнов, который вдовцом оставался недолго. Почти сразу, как это часто бывает, начались недоразумения между опекуном, сыном Любови Акиндиновны от I брака – Николаем и вдовой старшего сына Сергея (1858-1900). Тяжба длилась почти семь лет. Подавались прошения, жалобы, обвинения в несостоятельности, иски в различные инстанции, менялись опекуны над имуществом (в 1905 г. это была вдова Сергея – Александра Никифоровна Хранилова), были исписаны горы бумаги…

А в 1907 г. открылось завещание Любови Акиндиновны (где оно было до этого времени, непонятно). По этому завещанию единственной владелицей дома оказалась ее дочь от II брака – Вера Петровна, в замужестве Кокушкина. Она жила в Ярославле и кому продала в дальнейшем свой дом, пока неизвестно.

Сын Л.А. – Николай Александрович Хранилов (1863-?), врач по образованию, обиды на мать не затаил. С 1914 по 1918 г. ежегодно он заказывал в Спасо-Яковлевском монастыре литургии о ее упокоении.

В.Л. СИДОРОВА.

(Продолжение следует).

История семьи Николая Николаевича Рыкунина

Среди известных ростовских купеческих семей фамилия Рыкуниных встречается неоднократно. Им принадлежали собственные дома в кремле и на Подозерке, на Покровской, Благовещенской, Ивановской улицах, земли и кирпичные заводы за городским выгоном.

Николай Николаевич Рыкунин родился в 1915 г. Это было далеко не самое лучшее время для большой семьи Рыкуниных.

С середины 18 в. эта ветвь многочисленных Рыкуниных упорно поднималась вверх. Государственные мастеровые, артиллерийские кузнецы Семен и Гаврила Рыкунины на 1759 год имели 577 кв. сажен земли на Заровье. Больше об этих двух молодцах мне, увы, ничего не известно, но зато есть документы о том, что у Семена было два сына: Федор и Алексей. Наверное, они тоже были кузнецами, потому что Алексей Семенович в 1788 г. имел должность старосты кузнецов. В его ведении было 7 кузниц и 23 кузнеца. Нелегкая она, доля кузнеца - это понял в свое время сын Федора – Яков (1778-1838). Он ушел от семейной профессии, и с 1801 г. числился посадским, жил на Подозерке, имел железную лавку, а в 1824 г. стал купцом 3-й гильдии. Потомки его в трех поколениях оставались купцами, богатели и постепенно отдалялись от других семей Рыкуниных, коих было немало в Ростове.

Торговые дела Якова, похоже успешно, продолжили и расширили два его сына: Алексей (1793-1848) и Никанор (1802-1866) Яковлевичи. Они прочно обосновались на Подозерке, продолжали торговать железным товаром, завели торговлю строительными материалами и завели кирпичный завод - вобщем, жили прилично.

Сами братья выбирали себе жен, или отец приказывал жениться - этого мы не знаем, но, значит, хорошие были жены, если рожали сыновей - продолжателей отцовского дела.

Три сына было у Никанора Яковлевича: Иван (1823-1895), Александр (1826-1876) и Дмитрий (1829-1893). Семейный бизнес развивался, и на радостях Никанор прикупил дом на ул. Покровской (совр. ул. Ленинская, 13) и землю (почти гектар). На Покровской в те времена жила ростовская купеческая элита. После смерти отца дом достался Ивану и Дмитрию.

Из трех сыновей Никанора, наверное, самым успешным был Иван. Он был купцом 2-й гильдии, избирался гласным Ростовской думы. К дому на Покровской Иван пристроил еще такой же. При доме имелись все необходимые хозяйственные постройки, большой сад, две беседки с видом на озеро. Надо думать, что большая семья Ивана (сын Петр и 5 дочерей) вольготно жила в этом доме. Кстати, одна из дочерей Ивана – Мария Ивановна - вышла замуж за управляющего фабрикой Рольма П.В. Ванчагова.

Прожил Иван Никанорович чуть больше 70-и лет, оставил о себе добрую память и крепкий бизнес сыну Петру (1859 – ок.1902).

Его сын Петр Иванович продолжал умножать семейный капитал. Он прикупил два двухэтажных дома в кремле (совр. ул. Маркса, 16 и ул. 50 лет Октября, 11) и собирался сделать их самыми красивыми в центре города.

В свое время в Ростове П.И. Рыкунин был человеком известным: торговый депутат по г. Ростову, член ярмарочного комитета, директор Ростовского тюремного отделения. За заслуги по духовному ведомству он имел Серебряную медаль на Станиславской ленте для ношения на шее.

Никольская церковь, что на Подозерке, являлась приходским храмом Рыкуниных. Все Рыкунины постоянно и щедро жертвовали его на ремонты и украшение. А Петр Иванович был старостой и, естественно, активно работал на ее благопроцветание.

Семья у Петра Ивановича была не маленькая: два сына и пять дочерей, но в доме на Покровской им было не тесно. Шли годы, сыновья подрастали и готовились активно участвовать в делах отца (оба учились на «торговцев), а дочери готовили себе приданое: невесты они были завидные: и красивые, и богатые.

(Продолжение следует).

З.Г. КРАУЗЕ.

Синодичная книга Спасо-Яковлевского монастыря

Собрание архивных документов Ростовского музея содержит немало источников по истории Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. В их числе - Синодичная книга, свидетель последних семнадцати лет существования монастыря вплоть до его закрытия в октябре 1928 г. Первая запись в ней была сделана 2 января 1911 г.: «получено три рубля от А.М. Чалова на годовое поминовение на проскомидии о упокоении», последняя - 11 июля 1928 г.: «получено на сорокоуст от Александры М. Хоромской села Шульца новопр. Михаила 5 р.».

Записи в книге - краткие, скупые, с обязательным указанием года и месяца. Они распределялись по четырем графам. В 1911 г. в первой графе записывались числа месяца по старому стилю; во второй - название требы, имя того, кому эта треба предназначалась, фамилия и не всегда имя заказчика, имя исправлявшего требу, если речь идет о панихиде; в третьей – стоимость требы (рубли), в четвертой – копейки. Порядок заполнения граф был изменен в 1916 г., но суть оставалась прежней. Все очень буднично, схематично, без эмоций. Но за каждой записью – людская судьба, трагедия утраты, стремление близких облегчить участь ушедших «там» и оказать помощь «здесь».

Записи очерчивают круг треб, которые исправлялись в монастыре, показывают их стоимость, и, что очень важно для исследователей генеалогии, дают сведения о датах смерти жителей города, обнаружить которые ныне очень трудно из-за почти полного отсутствия Метрических книг 1911-1928 гг. Кроме того, на основании записей книги можно судить о популярности монастыря в этот период и в какой-то мере - о его финансовой деятельности, т.к. итоговая сумма за каждый месяц обязательно подсчитывалась.

Среди исправляемых треб были: годовое поминовение на проскомидии о упокоении и о здравии, сорокоуст о упокоении, сорокоуст о упокоении новопреставленных, заказная литургия о упокоении, панихида, отпевание, в том числе и на дому, встреча покойника, проводы покойника на кладбище, освящение дома, служение в богадельне (Плешановской), соборное служение и др.

В 1911-1928 гг. наиболее востребованной была панихида. В 1911 г. ее заказывали ок. 200 раз, в 1916 – ок. 130 раз, но данная цифра приблизительна, т.к. с этого времени очень часто панихиды записываются не числом, а суммой. В 1921 г. за 18 декабря было записано 25000 р., 24 декабря – 16000 «панихидных» рублей. Наименее востребованными были встреча покойного (заказывалась за 17 лет 18 раз) и освящение дома. Его заказывали всего 1 раз (1911 г., ноябрь)

В соответствии с велением времени появлялись новые требы. Так, во время I мировой и гражданской войн очень распространено было поминовение о здравии воинов. Первая запись такого рода появилась в книге уже 9 августа 1914 г. За годовое поминовение воинов Михаила и Алексея внес 2 р. Чистяков (очевидно, их отец). В 1915 г. поминовений о здравии воинов было заказано 51, в 1916 г. – 116, в 1917 г. – 91, в 1918 – 12, 1919 – 27, 1920 – 15. Последний молебен о здравии воина (Василия, от Зимина) был совершен 21 сентября 1920 г. Тогда это стоило 300 р.

Благодаря записям «о здравии воина (воинов)» можно более или менее точно определить время службы в армии того или иного ростовца. Е.Ф. Ушакова первый раз заказала поминовение о здравии своего сына, воина Дмитрия, 19 июля 1917 г. (5 р.), последний - 19 июня 1920 г. (100 р.), а всего за время его пребывания в армии она обращалась в монастырь по этому поводу восемь раз.

Стоимость треб была различной и со временем менялась.

В 1911 г. отслужить панихиду стоило от 30 коп. до 1 р., годовое поминовение – 3 р., заказную заупокойную литургию – 2 р., сорокоуст о упокоении – от 3 до 50 р., встреча покойника обходилась в 5-10 р.

С 1918 г. цены на требы начинают расти. Годовое поминовение стоит 60 р., сорокоуст о упокоении новопреставленных – 20 р., о здравии 20 р. В ноябре 1919 г. вечное поминовение стоит 100 р., о упокоении – 40 р., 80 р., 150 р.

В начале 1920 г. заказная литургия о упокоении стоила 200, затем 1000 р. и в октябре – 2000 р., 3000 р. В начале 1921 г. – 5000 р., в конце года это стоит уже 10 000 р.

В декабре 1921 г. требы стоят десятки тысяч рублей. На сорокоуст подают 30 000 р., 40 000, 55 000 р.

С января 1922 г. записей в книге становится меньше, но суммы подаются очень большие. В апреле 1922 г. сорокоуст стоит 400 000, 500 000, о упокоении на год – 1 млн. р., в августе сорокоуст стоит уже 10 млн. р. Записи за 1922 год заканчиваются октябрем; за исправленные требы в котором получено 41 млн. р. Инфляция!

Затем цены постепенно снижаются, и в 1928 г. сорокоуст о упокоении стоит 4-5 р. Начиная с 1923 г. это – наиболее часто заказываемая треба.

Что касается установления (или уточнения) дат смерти представителей интересующих нас фамилий, то, судя по записям в Синодичной книге, И.А. Шляков ушел из жизни не 14, как это принято считать, а 9 марта 1919 г. Об этом свидетельствует запись от 9 марта: «на 40 [дней от] Шлякова 9 новопредсв. Петра, Иоанна [принято] 100 р.». Долгое время не было точных данных о месте захоронения видного ученого, историка искусства Б.Н. Эдинга. Назывались кладбища Москвы, Риги и даже Ростова на Дону. Дата его смерти была известна – 3.08. 1919 г. В воспоминаниях уроженца Ростова, известного музейного деятеля В.Н. Иванова говорится, что Эдинг похоронен в Ростове, в Спасо-Яковлевском монастыре (надгробие исчезло до 1946 г.). И, пусть косвенно, его слова подтверждает запись в Синодичной книге от 3 августа 1919 г.: [принято от] «Эдинга о упокоении новопреставленного Бориса 200 р.». Трудно представить, что в разгар гражданской войны кто-то имел возможность перевезти умершего в Ростове Б.Н. Эдинга в другой город.

Ряд записей книги говорит о посещении монастыря А.А. Титовым-сыном. В пользу того, что под указанной фамилией значится именно Александр Андреевич, а не кто-то из однофамильцев, свидетельствует тот факт, что от «Титова» в течение трех лет на день смерти Андрея Александровича оплачиваются заказные литургии - 23 окт. 1917 г.; 24 окт. 1918 г., 27 окт. 1919 г. Известно, что в 1919 г. А.А. Титов-сын эмигрировал, и, значит, перед отъездом он побывал в Ростове.

Есть записи, проясняющие дату смерти родственницы Титовых – Е.С. Вахромеевой, прабабушки экзарха Белоруссии, митрополита Минского Филарета. 26 июня 1919 г. от Вахромеева было получено 300 р. о 40-дневном поминовении «новопредставленной Елизаветы». Вполне возможно, что Елизавета Семеновна похоронена в Спасо-Яковлевском монастыре.

Из Синодичной книги следует, что до октябрьского переворота 1917 г. монастырь был широко известен в России. В 1911-1919 г. требы заказываются ежедневно и исправляются для жителей Ростова, Ростовской земли (с. Лазарцево-Фомино, с. Поречье, дер. Камышково, с. Татищево, ст. Рязанцево, с. Шулец), городов С-Петербург, Москва, Тула, Тейково, Касимов Рязанской губ., Самара, Иваново-Вознесенск, Бежецк, Димитриев Курской губ., Вологда, Сергиев Посад, Новочеркасск, - как для простых крестьян, так и высоких чинов (генералов Ильковича, Горковенко).

Всего за 17 с половиной лет в монастырь обратилось около 3800 чел., что составляет почти 25% населения Ростова (в 1911 г. – 15000 чел.): в 1911-1920 гг. 3600 чел., в 1921-1928 гг. – ок. 160 чел.

Даже в 1919 г., когда монастырь был передан в ведение Музейного отдела Наркомпроса, за исправлением треб обратилось около 660 чел., что в 3 раза больше, чем в 1911 г., когда обращений было ок. 360. Снижение уровня посещаемости начинается с 1922 г.: с 17 чел. (февраль) до 5 (октябрь).

В 1923 г была создана община бывшего Спасо-Яковлевского монастыря, но снижение обращений продолжалось - до трех, двух и даже одного в месяц (сентябрь 1925, июнь 1928).

В 1927-28 гг. за требами обратилось 24 человека (скорее всего, они были членами общины). Это меньше, чем за один месяц (январь) 1911 г. – 34 чел.

Эти цифры наглядно иллюстрируют вехи в истории монастыря.

Записи обрываются в июле 1928 г.

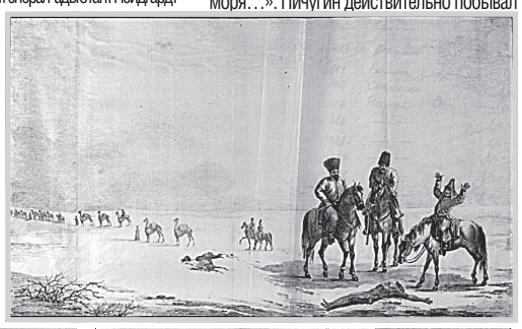
А постановлением Президиума Ярославского губернского исполнительного комитета Спасо-Яковлевский от 9 октября (нов.ст.) монастырь был закрыт.

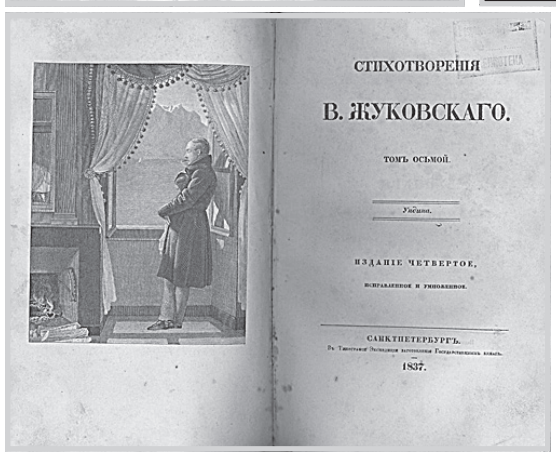
Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

Путешествие цесаревича Александра Николаевича, сочинения В.А. Жуковского и карта Аральского моря

На ул. Ленинской, 26 располагается двухэтажный каменный дом, выдержанный в стиле классицизма (фото 1). В 1827 г. этот дом был куплен Федором Дмитриевичем Пичугиным. Один из богатейших ростовских купцов, Федор Дмитриевич происходил из крестьян Борисоглебской подмонастырской слободы - крепостных графа В.Г. Орлова. Однако еще в 1809 г. семья Пичугиных – вдова Авдотья Ивановна и два ее сына Яков и Федор Дмитриевичи - получила от графа вольную: «…Вольно им Пичугиным с сею отпускною жить где пожелают и избрать род жизни на законных основаниях кокой похочут до которых впредь как мне графу Владимиру так равно и наследникам моим никакого дела нет и непочему…» В 1810 г Пичугины были записаны в ростовское купечество в 3-ю гильдию. Первоначально Федор Дмитриевич состоял при семействе матери и был «купецким сыном», а в 1829 г. «объявил собственно от себя купеческий капитал по 3 гильдии»; с 1833 г. он купец второй гильдии. В руках Ф.Д. Пичугина была сосредоточена большая часть торговли с Зауральем и Средней Азией. Азиатская торговля была выгодна, но сопряжена с большим риском. Главный и почти единственный путь торговли со Средней Азией пролегал через бесплодную и маловодную степь. Торговые караваны русских купцов «подвергались опасности от киргизских набегов». Неслучайно вести торговлю в этом направлении желающих находилось немного. Так, журнал «Мануфактур и торговли» за 1838 г. писал: «Несмотря на все старания Правительства усилить торговые сношения России с Азиею, купечество наше все еще мало изъявляет готовности содействовать ему в распространении этой важной отрасли промышленности. Нельзя не удивляться, что при всех пособиях при всех обстоятельствах, благоприятствующих сбыту наших произведений в Азии, негоцианты русские не обращают должного внимания на торговлю с этим краем…». Пичугин же принадлежал к тем купцам, которые по меткому замечанию И.С. Аксакова «…до такой степени свыкаются с своим занятием, что торговля ему делается необходима иногда даже вовсе не ради барыша. Эта постоянная лотерея, это состояние между страхом и надеждою, этот «рыск», как они говорят, становится для него второю природой...» Старания и успехи в торговом предприятии Пичугина были отмечены правительством. В 1841 г. «за производство Азиатской торговли по Оренбургской линии, способствующей полезным предприятиям сбыта произведений по области Средней Азии» он был награжден золотой медалью на Аннинской ленте, с надписью «За полезное».

Словом, дом купца Пичугина, который по существовавшему тогда в Ростове обыкновению записан на его супругу Санфиру Александровну, был богатым и уважаемым. Не случайно в 1837 году, во время поездки наследника престола, будущего императора Александр II





по России, дом Пичугина был выбран для размещения представителей свиты августейшего путешественника. Собственно о пребывании Александра Николаевича в Ростове известно немного. Ярославский историк и журналист Л.Н. Трефолев, спустя сорок лет, подробно описавший визит цесаревича в Ярославскую губернию, в отношении Ростова отмечал: «О том, как Наследник провел время в г. Ростове, имевшиеся у нас под руками источники, к сожалению, ничего не говорят. Имеются лишь сведения о домах, занятых Наследником и Его свитой. Так, Его Высочество поместился в верхнем этаже дома купеческих братьев Мясниковых, вместе с генерал-адъютантом Кавелиным и флигель-адъютантом Юрьевичем; прислуга – в нижнем этаже того же дома и в доме титулярнаго советника Алексея Михайловича Артемьева; полковник Назимов, подпоручик гр. Виельгорский, прапорщики Паткуль и Адлерберг – в доме штабс-капитана Черткова; действительный статский советник Арсеньев – в доме купца 2-й гильдии Мих. Иванов. Маракуева; лейб-хирургу Энохину отведена была квартира у купца Максима Мих. Плешанова; генерал-лейтенант Чебышев и генерал-адъютант Нейдгардт поместились в домах купцов Матв. Мих. Плешанова и Андрея Абрамовича Титова, а В.А. Жуковский, поместившись в доме купчихи С.А. Пичугиной, сделал его до некоторой степени историческим. Сохранилось предание, что поэт очень любезно обошелся с своей хозяйкой и, по возвращении из путешествия, прислал ей свои сочинения».

Вероятно, симпатия знаменитого поэта к хозяйке дома, чье имя «Санфира» выдает восточное происхождение, неслучайна. Вспомним, что В.А. Жуковский был сыном пленной турчанки. Кроме того, присылка сочинений В.А. Жуковского свидетельствует о любви ростовской купчихи с необычным именем к чтению, ее интересе к современной литературе.

Сам же Ф.Д. Пичугин был в добрых отношениях с другим известным русским литератором - писателем и публицистом И.С. Аксаковым. Их знакомство состоялось в 1850 г. в Ростове, где Аксаков от Министра Внутренних Дел ревизовал городское хозяйство. В апреле 1850 г. И.С. Аксаков писал родным из Ростова: «Пичугин в Москве и взял твой адрес. - Видно, уже мне придется купить карту Аральского моря…». Пичугин действительно побывал в семье Аксаковых в Москве, оставив самое благоприятное впечатление. С.Т. Аксаков охарактеризовал Пичугина "живым, бодрым, неглупым и самостоятельным".

Брак Федора Дмитриевича и Санфиры Александровны Пичугиных был бездетным. Неизвестно к кому перешел по наследству их великолепный дом, видевший в своих стенах В.А. Жуковского и И.С. Аксакова. Однако сохранилась память об этих незаурядных ростовцах из купеческого сословия, сумевших вызвать интерес видных представителей русской словесности. Путешествие «По старинным улицам Ростова» продолжается…

Т.В. КОЛБАСОВА. На снимках: 1. Дом Пичугиных. Ул. Ленинская д. 26; 2. В. А. Жуковский Стихотворения. Т. 8. СПБ., 1837; 3. Лист из «Атласа к путешествию в Туркмению и Хиву…» М., 1822; 4. Карта Хивинского ханства. XIX в.

О выкупе на волю ростовских крестьян в конце XVIII – первой половине XIX в.

Уже во второй половине XVIII в. ростовские сословия в большей или меньшей степени были открыты на входе и на выходе и довольно активно взаимодействовали друг с другом. Степень их открытости была различной. Наиболее тесно взаимодействовали крестьяне, купечество, мещане, а также городское и сельское духовенство. Разнообразные документальные материалы свидетельствуют о пополнении и воспроизводстве этих городских сословий за счет перемещений крестьянства.

До издания манифеста 1775 г., разрешавшего личное освобождение крестьян, никакого механизма выхода из крепостного состояния не было предусмотрено. С 1803 г. по «Указу о вольных хлебопашцах» - помещики имели право отпускать крестьян на волю за установленный самими помещиками выкуп. Освобождение осуществлялось с санкции МВД, крестьяне получали права собственности на недвижимость и право участия в обязательствах. В соответствии с данным указом 20 февраля 1803 г. крестьяне одного из крупных огородных сел – Угодичи, а также деревень Уткино, Воробьилово и Тряслово стали вольными хлебопашцами с обязательством ежегодно выплачивать наследникам бывшего помещика значительную оброчную сумму 10 000 руб. Указ 1803 г. ориентировался на зажиточных крестьян, но руководствовался не их интересами, а результатами их выкупа на волю, содействовал в некоторой степени развитию их экономической свободы, был наглядным примером кризиса феодального способа производства.

Ежегодные журналы входящих и исходящих бумаг домовых контор графа В.Г. Орлова и графа В.Н. Панина, князей Голицыных, дела по ростовским вотчинам Поречья и Воржи, Спасской и Борисоглебской слобод, Сулости и Никольское на Перевозе содержат сведения о 4-5 семействах крестьян, выкупившихся на волю.

Так, 20 декабря 1799 г. в Московскую домовую контору В.Г. Орлова поступило прошение крестьянина Спасской слободы Семена Пятунина об увольнении его с семейством в купечество. В своем прошении Пятунин называл причину, побудившую его идти на выкуп: «по причине притеснения по торгам». За выкуп семейства крестьянин давал помещику 10 000 руб. Старшему бурмистру ростовских вотчин Орловых – Маринину, в с. Поречье, вместе с комиссией из крестьян, домовой конторой было приказано донести о капитале и о семействе Пятунина, а также «…сколько, по мнению его за выкуп взять должно». Выборные с. Поречья – Баженов и Королев, Маринины и Титов объявили, что у Пятунина капитала должно быть от 40 до 50 000 руб. и полагали взять с него за увольнение, Баженов – 14, а Королев, Маринины и Титов – 13 000 руб., то есть третью часть всего его капитала. Бурмистр Маринин 28 декабря доставил в домовую контору общее заключение, что капитала у Пятунина до 40 000 руб. Прилагались различные сведения о крестьянине: выписка из ревизской сказки о семействе; что он платит в год оброка и прочих податей с 10 душ; что вотчинное правление Спасской слободы, требует уплаты за детей рекрутской повинности - целого рекрута; что землей он владеет только той, что под домом и огородом, полевую же и сенокосную землю правление требовало оставить «в Мир»; препятствий к выкупу на волю нет. Поречский бурмистр с выборными полагали взять с Пятунина 1/3 часть его капитала. Контора согласилась с их мнением, крестьянину была выдана отпускная.

При значительной сумме выкупа и невозможности сразу выплатить ее целиком, крестьянин мог с согласия домовой конторы и помещика выплачивать деньги частями, в рассрочку, зачастую с уплатой процентов. Например, крестьянин Борисоглебских слобод Иван Щепетилов в декабре 1808 г., в число назначенных с него за свободу 35 000 руб. сначала заплатил 15 000 руб., через несколько месяцев, после расчетов с односельчанами и родственниками еще 10 000 руб. Последний взнос в 10 000 руб. крестьянин просил отсрочить на год, «без платежа обыкновенной с них прибыли», предоставляя поручителя - крестьянина с. Поречья Ивана Яковлевича Королева. Кроме того, Щепетилов предоставил в обеспечение помещика свой каменный дом со всеми постройками, стоявший в селении. С принятием от него обязательства на последние 10 000 руб. Щепетилов просил пожаловать ему с семейством отпускную, которая и была ему выдана.

Аналогично – в рассрочку, в том же 1808 г. выкупился на волю крестьянин с. Поречья Семен Афанасьевич Костылев, торговавший в Петербурге. Примечательно, что компаньоном Костылева являлся богатый петербургский купец Кусов, который в свое время спас от разорения прадеда А.Л. Кекина – Алексея Григорьевича. В августе 1823 г. С.А. Костылев принимал в Поречье, в своем бывшем каменном двухэтажном доме императора Александра I. Ярославский краевед Ф..Я. Никольский в 1848 г. отметил, что в гостиной у Костылевых висел портрет Кусова, который и привлек внимание государя. Известняковая могильная плита купца 2-й гильдии С.А. Костылева была обнаружена в 2006 г. при реставрации храма Петра и Павла в Поречье и установлена перед его алтарем в мемориальном некрополе. Совсем недавно, по спискам 4-й ревизии 1782 г. было точно установлено родство Семена Афанасьевича с Костылевыми, остававшимися крестьянами с. Поречье. Ряд представителей этой семьи в XIX в. исполнял в вотчинной администрации села обязанности старост землячества по Петербургу и Финляндии. За упомянутой плитой ухаживает Татьяна Семеновна Костылева, тетка автора данной статьи. А некоторые вещи из семьи Костылевых, в том числе привезенные ими в XIX в. из Петербурга, были приняты в 2008 г. на временное хранение в экспозицию «Кекины – род, судьба, наследие», в дом Кекиных.

По сходной схеме выкупались на волю крестьяне огородных сел Сулость, Никольское на Перевозе с деревнями вотчин князей Голицыных. Так, 27 апреля 1851 г. прошение «о даровании вечной свободы» было подано в домовую контору от проживавшего в Петербурге крестьянина с. Никольское на Перевозе Андрея Иванова Мазаева. Контора предписала бурмистру с. Сулость рассмотреть просьбу на мирском сходе и решить, сколько взять за выкуп. Из рапорта бурмистра следует, что на сходе, «лучшие люди» вотчины предположили за выкуп взять 13 000 руб. асс., с оговоркой, что правильное решение могут вынести крестьяне, проживавшие в Петербурге. Как значится в сообщении конторы от 21 мая 1851 г. за выкуп семьи Мазаева – его самого, двух сыновей и дочери была назначена сумма в 5000 руб. сер. – 1/3 часть капитала. За сыновей крестьянин должен был отдельно заплатить рекрутскую недоимку.

А. МОРОЗОВ.

Окончание - в следующем выпуске.

Организация Комитета помощи беженцам

Окончание. Начало в РС № 144

Эти вопросы также заслушивались 20 сентября 1915 г. на заседании уездного земского собрания, которое избрало в состав вновь образуемого комитета членов уездного комитета от Ростовского земства: С.М. Леонтьева, Н.И. Шультена, Л.И. Афанасьева, М.А. Ошанина, В.И. Ивановского, И.Д. Барышкина, Н.В. Каукина. Таким образом, предложение земской управы «учредить комитет помощи беженцам, который… ведал бы все дело о беженцах в городе и уезде» нашло одобрение со стороны собрания. Ростовское земство высказалось за предоставление беженцам права пользования стационарным и амбулаторным лечением, а также обеспечением их медикаментами на тех же основаниях, как и для местного населения. При этом медпомощь должна была оказываться как земскими, так и городскими врачами, но на выписанных больным рецептах для получения лекарств надо было ставить букву «Б» (т.е. беженец).

После этого уездная земская управа обратилась к губернатору, графу Дмитрию Николаевичу Татищеву, за разрешением «учредить комитет помощи беженцам… как местный орган Всероссийского земско-городского союза». 26 сентября 1915 г. на заседание представителей от земства и города по образованию комитета помощи беженцам вместо 22-х избранных явилось только 7 человек, поэтому они постановили «созвать комитет» 1 октября 1915 г. Следующее собрание комитета было назначено на 6 октября 1915 г., но провести его не удалось из-за полученного отношения губернатора по губернскому по земским и городским делам присутствию за № 3025 от 1 октября 1915 г. (вх. № 5018 от 2 октября 1915 г.). В нем Д.Н. Татищев уведомил уездную управу в том, что не имеет «препятствий к образованию сего комитета… и считая желательным, чтобы означенный комитет немедленно приступил к исполнению своих обязанностей». Однако он заметил, что «по силе ст. ст. 2 и 22 приведенного закона [30 августа 1915 г.] местное попечение о беженцах возлагается на земские учреждения и городские общественные управления, а не на отделы или местные органы Всероссийского земско-городского союза <…> руководствуясь ст. 87 зем[ского] пол[ожения], постановление земского собрания в указанной части… приостанавливаю исполнением». Учитывая это, уездный комитет помощи беженцам был переподчинен Ростовскому земству и городскому самоуправлению.

На заседании 21 октября 1915 г. в состав правления были избраны: председателем - председатель уездной земской управы и уездного комитета Сергей Михайлович Леонтьев, заместителем - Федор Захарович Чембулов, товарищами председателя – ростовский городской голова Дмитрий Сергеевич Завьялов и член уездной управы Дмитрий Ильич Афанасьев, казначеем - Александр Васильевич Смыслов и секретарями - Леонид Ромуальдович Прушак и Виктор Константинович Подольский. В состав комитета вошли по 7 гласных от уездного земства и городского самоуправления, представители 6-ти подотделов, а также два представителя от земского собрания, избранные на заседании 26 сентября 1915 г. (Г.М. и С.М. Леонтьевы), два – от уездного кооперативного комитета и один представитель - от еврейской национальной группы. Состав комитета получился большой, только в санитарно-медицинский подотдел вошли Н.С. Берг-Турбина, Г.П. Блат, С.Д. Бобкова, Л.Я. Богданов, С.Н. Борисов, К.З. Бугалкова, И. Воронков, А.П. Гильман, С.Я. Гоффеншефер, А.И. Девишев, Д. Жуковская, К.А. Залкина, И.Д. Зикланд, В.И. Ивановский, Л.А. Израилев, Карандашова, Карпули, П.А. Лагерева, В. Милославова, Мороховец, Московцев, Мясникова, И. Назаров, А.П. Насальская, Ф.Д. Пашкевич, Сметанин, Сперанская, А. Станкевич, Д.О. Талицкая, А.Б. Тумаркина, В.В. Турбин, В.А. Херсонский, А.В. Шатский, Шикуц, Е.А. Шнерсон, А.А. Щербачева, Эйгес.

Таким образом, Ростовским земским и городским самоуправлениями, Уездным и Дамским комитетами уделялось много внимания и решению вопроса по организации помощи беженцам силами вновь образованного комитета.

К. СТЕПАНОВ.

Книга о ростовском озере

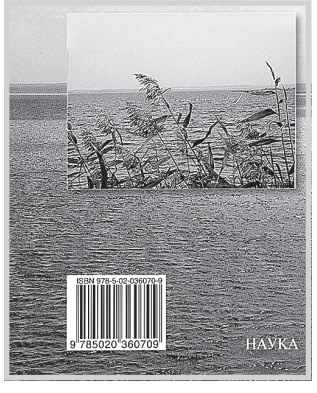
В издательстве «Наука» в прошлом году вышла книга «Состояние экосистемы озера Неро в начале XXI века» (ответственный редактор В.Н. Лазарева). Эта коллективная монография явилась итогом работы, которую на протяжении 1999-2005 гг. вели на озере Неро сотрудники Института биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина, преподаватели и студенты Ярославского госуниверситета. Исследования биологии озера частично были поддержаны Российским фондом фундаментальных исследований.

В книге содержится информация об истории исследований (начиная с конца XVIII в.) этого крупнейшего в нашей области озера, дана оценка нынешнего состояния экосистемы озера, проведено ее сравнение с результатами обследования озера двадцатилетней давности.

Несомненно, книга представляет интерес не только для «гидробиологов, лимнологов, специалистов в области экологии и охраны окружающей среды», как об этом сообщается в описании издания. Оно привлекательно для всех, кто интересуется прошлым и настоящим родного края.

Ощущаю свою причастность к изданию: при оформлении книги была использована, без указания автора, фотография, взятая в одном из моих интернет-альбомов.

Л. МЕЛЬНИК.



Древнейшие славянские названия в округе Ростова Великого.

Материалы к топонимическому словарю: Белогостицы

Еще в 19 веке название объясняли через словосочетания «белые гостиницы», которые якобы существовали в селе, или «белые гости» (т.е. купцы) – все это типичные примеры так называемой народной этимологии, т.е. объяснение топонима путем подбора подходящих по звучанию слов. Ведь ни «белые гости», ни тем более, «белые гостиницы» точно не соответствуют названию Белогостицы. У них общие только основы бел- и гост-. Народные версии не объясняют какую роль в топониме играет суффикс –ицы.

Белогостицы впервые упоминаются в начале 15 века.

Нельзя не заметить, что по своей структуре название сходно со славянскими личными именами (о которых речь шла ранее в № 144). Имя Белогост вполне могло существовать (от белый гость, т.е. светлый гость: светлый – одно из значений слова белый). В связи с этим получает объяснение суффикс –ицы. Топонимы с таким суффиксом довольно распространены, особенно на Украине, в Белоруссии и на Российском Северо-Западе: Витославицы, Милославичи, Хотемирицы, Ярославичи и др. (использование –ицы или –ичи зависит от говора в той или иной местности). Исследователи-топонимисты называют их патронимическими, т.е. они указывают на то, что в населенном пункте проживали не Витослав, Милослав и Ярослав, а их потомки, например, дети Витослава, Мстислава, Хотимира и Ярослава. (Сравните с названием первой русской династии: Рюрик - Рюриковичи).

То, что Белогостицы - один из древнейших населенных пунктов в округе Ростова, – это очевидно. Поселение возникло на торговом пути, соединявшем Ростов с рекой Волгой. При археологических наблюдениях в поселке найдены фрагменты лепной керамики (сделанной еще до появления гончарного круга) – такая с конца 11 века уже не использовалась в быту.

А. КАРЕТНИКОВ.

Избранные материалы «Ростовской старины» публикуются: starina.blog.ru